

Наталья Клушина

Московский государственный университет (Россия)

КРОССВОРДНОЕ ПИСЬМО: ДЕВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Развитие и обогащение речи, в том числе и за счет осознания, именования и трансляции эмоций, воспринимается как поступательное усложнение человеческого опыта, отраженного в современной коммуникации. Поэтому закономерно девербализация рассматривается как

примитивизация речи, возвращение в пещеру, к междометному общению. Не случайно А.Х. Востоков остроумно замечал, что междометие – единственная часть речи, которая роднит нас с обезьянами.

Так, известные российские исследователи, отмечая нелинейность процесса девербализации, все-таки рассматривают ее как негативный процесс оскудения современной речевой культуры и регресс личности: «Нынешний подросток в значительной мере отстал от своего сверстника 20–30-летней давности по возможностям нормативного вербального поведения: чтение серьезной книги вызывает быстрое утомление, не всегда завершается пониманием; рассказ о прочитанном затруднен, эмоциональные проявления в собственной среде усилены за счет внешней экспрессивности формы (междометия, жесты, пантомима), имитирующей уже созданные образцы» [5, с. 54]; «Девербализация – обеднение языковой культуры – представляет собой комплексный процесс деградации общества. Суть этого процесса состоит в редукции разнообразной системы языковых средств и речевых жанров в сознании носителей языка к обиходному способу общения, усвоенному в раннем детстве. <...> Развитие человечества в лингвистическом плане есть переход от первой сигнальной системы ко второй. Вторая сигнальная система как сложное многомерное знаковое образование неоднородна, можно выделить базовую и производную систему языкового кодирования. Прогресс письменной цивилизации проявился в усложнении и тонкой дифференциации системы языкового кодирования в речи носителей элитарной языковой культуры. Процессы урбанизации и демократизации общества ведут к вытеснению сложных дискурсивных образований» [6, с. 144].

Как и любой феномен, девербализация может и должна рассматриваться с разных сторон и с разных точек зрения.

Девербализация в современной коммуникации связана с ее принципиальной семиотичностью, поликодовостью и многоканальностью. Линейное буквенное письмо в массовой коммуникации теснится аудио- и видеорядом (о многоканальности современной массовой коммуникации пишет В.И. Коньков [7]). В современной массовой коммуникации происходит замещение вербального кода, переплетение кодов, их конвергенция, при сохранении всей сложности речевого опыта.

Ученые констатируют наступление новой экранной культуры на успешную традиционную письменную культуру. Ярким примером этого победного шествия становится креолизированный текст [8], в котором «картинка» и другие параграфемные средства становятся таким же смысловым кодом, как и слова.

Язык – это материализация мысли и чувства, но это не единственный способ передачи смысла.

Макклюзэн пишет о будущей коммуникации как о передаче мыслей напрямую, без опосредования их языком, понимая это как наивысший расцвет медиакультуры [9]. И первым шагом на этом фантастическом (или провидческом) пути является девербализация, которая освобождает от языкового рабства развитую в эмоциональном и интеллектуальном плане личность. Таким образом, девербализация мыслей и эмоций может свидетельствовать не об их отсутствии или ничтожности, а об их невыразимости и неуловимости. Или об их имплицитности.

Конвергенция смыслов проявляется в креолизованных текстах, а имплицитность – в модульных. Модульные тексты, или «тексты в рамке» (реклама, мемориальные доски, вывески, смс-тексты и т.п.), как это убедительно доказано в докторской диссертации Е.В. Быковой [3], – это не тексты-примитивы, наоборот, они рассчитаны на широкие фоновые знания адресата, которые помогают ему их дешифровать.

Имплицитность и конверсия смысла порождает кроссвордное письмо, апеллирующее к знанию, эрудиции, эмоциям адресата, к его «встроенности» в социальный и/или культурный контекст. М.М. Бахтин [2] замечал, что слова, в конечном итоге, мы берем не из словаря, контекст определяет значение слов.

Контекст может быть девербализованным (а не обязательно вербальным) и тем не менее имеющим собственный смысл, не детерминированный словами. Например, буква М в рамке светящейся таблички над входом в метро понятна всем горожанам, включенным в контекст мегаполиса. А черный квадрат Малевича имеет свой смысл в контексте культуры. Так же и вербальный (или невербальный?) феномен *молчания* может трактоваться как сокрытие, как пустота, как переполненность чувствами, как невыразимость, как сосредоточенность, как пауза, как передышка, как непонимание, как отказ от пустословия: «На душе у меня было тяжело до такой степени, что когда сестра стала спрашивать, как принял меня инженер, то я не мог выговорить ни одного слова» [13, с. 29]; «Я пришла сюда, бездельница, Все равно мне, где скучать! На пригорке дремлет мельница, Годы можно здесь молчать» [1, с. 31].

Любой контекст заполнен смыслом, но каждый волен прочитывать его по-своему. Все зависит от адресата. «Слушающий, а не говорящий определяет значение высказывания» [Фоерстер. Цит. по: 10, с. 51].

Коммуникация строится на презумпции адресата: именно он определяет смысл, он откликается на вызов, он в девербализованном или минимально вербализованном тексте прочитывает максимальный смысл.

Презумпция адресата – условие успешной коммуникации. И эта презумпция включает парадокс: чем интеллектуально и эмоционально развитее личность адресата, тем меньше (тривиальных) слов требуется ему для понимания.

Интересные примеры дает современная качественная реклама, сближающаяся с художественным творчеством (как в свое время это было с рекламными плакатами чешского художника Мухи). Так, зарубежная, высокохудожественная по форме реклама щипцов для завивки волос сделана без единого слова. Она использует девербализованный сюжет сказки «Золушка» и нагружена архетипами и контекстными символами, в ней много визуальных намеков [4]. Она ориентирована на образованного адресата, способного декодировать гетерогенность и поликодовость непроговоренного смысла. Подобная девербализованная реклама все чаще встречается в современной медиакulturе и завоевывает награды и признание профессионального сообщества.

Таким образом, девербализация может сигнализировать не о примитивизации, а, наоборот, усложнении коммуникации, так как адресат должен понять имплицитность, эксплицировать и декодировать ее и – насладиться своей способностью разгадать «кроссвордное послание».

А адресант? На первый взгляд девербализация облегчает его труд по подбору слов для выражения своей мысли. Л.В. Щерба шутил, что человек ленив, и, если бы не желание быть понятым, он бы обходился минимальным словарным запасом. Но девербализация как осознанная коммуникативная задача имеет трудное решение: как заставить контекст выразить смысл, какие подсказки и намеки включить для верного ориентирования адресата? Ведь имплицитность эмоций и мыслей предполагает более широкую и разнообразную ее интерпретацию.

Категоризация и номинация эмоций помогают схематизировать субъективно переживаемые чувства. Категоризация и номинация эмоций выполняют роль комических и трагических масок в античном театре: адресат понимает, смеяться ему или плакать.

Но схематизация неизбежно ведет к тривиальности, которую не приемлет высокая культура. Великие русские писатели в своем творчестве раскрывали чувства не как первоэлементы, а как сложные феномены, ускользающие от точности и одномерности в их номинации. Отсюда градации, антонимы, синонимы, пытающиеся взять в плен определенное чувство, чтобы в конце концов дать ему имя: «*Ей так горько, и противно, и пошло казалось жить, так стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что в это мгновение она бы, наверное, согласилась умереть...*» [11, с. 127].

Неподвластность чувств точному выражению, уникальность субъективно переживаемого опыта наиболее ярко проявляется в поэзии, где вместо называния и проговаривания эмоций акцентируется их контекст, подсказывающий адресату собственное восприятие переживаний, коррелирующее с описанным: «*Как после вековой разлуки, Гляжу на вас, как бы во сне, – И вот – слышнее стали звуки, Не умолкавшие во мне...*» [12, с. 314].

Поэтическая нетривиальность выражения эмоций заключается в определенной их девербализации, открывающей доступ невыразимому. Девербализация открывает простор субъективному ощущению мира. Но подчеркнем, что это возможно только для развитой личности.

Будущее коммуникации связано как с развитием и развернутостью проговариваемой речи, так и, наоборот, с ее девербализацией, но при усложнении девербализованного контекста, поскольку имплицитность имеет смысл только при возможности ее экспликации адресатом.

Как пример приведем современную смс-коммуникацию:

Смс-сообщение адресанта: «!!!»

Смс-ответ адресата: « :) »

Контекст: у адресата день рождения.

Но, может быть, для поздравления тривиальные слова и стандартные чувства и не нужны?

Литература

1. Ахматова, А.А. Я – голос ваш... / А.А. Ахматова. – М.: Кн. палата, 1989. – 383 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин: собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
3. Быкова, Е.В. Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Быкова. – СПб., 2012.
4. Гаспарян, О.Т. Суггестивные приемы в современной рекламе: дипломная работа / О.Т. Гаспарян; науч. рук. Клушина Н.И. – М.: МГУ, 2012.
5. Горелов, И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / И.Н. Горелов // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1.
6. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 428 с.
7. Коньков, В.И. От предложения к тексту, от высказывания к произведению / В.И. Коньков // Лингвистика речи. Медиалингвистика: коллект. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – М.: Флинта-Наука, 2012.
8. Корда, О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. ... канд. филол. наук / О.А. Корда. – Екатеринбург, 2013.

9. Макклэун, Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г.М. Макклэун. – М., 2011.

10. Реконструкция субъективной реальности. Психология и лингвистика / Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2010. – 172 с.

11. Тургенев, И.С. Рудин. Дым. Новь И.С. Тургенев. – М.: Правда, 1979. – 608 с.

12. Тютчев, Ф.И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1985. – 334 с.

13. Чехов, А.П. Моя жизнь / А.П. Чехов // Дом с мезонином: повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1983. – 303 с.

14. Щерба, Л.В. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку. 1926. – С. 342–343 / Цит. по: В.В. Виноградов «Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л.В. Щербы» // Памяти академика Л.В. Щербы» (1880–1944). – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. – С. 31–62.